



ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ УСПЕХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена 160-летию со дня подписания Пекинского договора и рассказывает о сложных дипломатических сношениях между Россией и Китаем, завершившихся в том числе подписанием этого документа.

Ключевые слова: Айгунский договор, Нерчинский договор, Российская империя, Цинская империя, Россия, Китай, Приамурье, Приморье, реки Амур, Уссури, Шилка, Пекинский договор, Н. Н. Муравьев, Н. П. Игнатьев, В. С. Завойко, демаркация границы.

Keywords: Treaty of Aigun, Treaty of Nerchinsk, Russian Empire, Qing dynasty, Russia, China, Priamur Region, Primorye, Amur river, Ussuri river, Shilka river, Convention of Peking, N. N. Muravyov, N. P. Ignatyev, V. S. Zavoyko, demarcation.

Границы — это бритвенные лезвия, на которых зависают насущные вопросы войны и мира, жизни и смерти целых народов.

Лорд Керзон, английский дипломат [8]

Формирование российско-китайской границы было закреплено более чем 40 договорными документами (договоры, протоколы, трактаты, разменные письма, карты и др.). Основными из них были Нерчинский, Айгунский, Тяньцзиньский, Пекинский и Санкт-Петербургский договоры, Кяхтинский (Буреинский) трактат и Чугучакский протокол. Словом, тут не обойтись без краткого экскурса в историю нашего разграничения с Китаем, в первую очередь на восточном участке государственной границы.

Нерчинский договор (1689 г.) положил начало русско-китайскому разграничению. Он был подписан в сложное для России время, в условиях открытой угрозы вторжения цинов.

Последующий Кяхтинский (Буреинский) трактат 1727 года подтверждал прохождение русско-китайской границы по реке Аргунь до её верховьев и Саянского хребта. По этому же трактату к Китаю отходили не принадлежавшие ему ранее районы у озера Хубсугул, на среднем течении реки Селенги и в верховьях Аргуни.

В середине XIX века на Дальнем Востоке возникли объективные предпосылки воссоединения Приамурья и Приморья с Россией, оставшихся неразграниченными по Нерчинскому договору, по нормам международного права того времени. Россия решила пограничный вопрос с цинским Китаем мирным путём.

Утрата законных прав России на Приамурье, неопределённость с восточным участком границы (освоенным русскими промысловиками) и угроза в то время со стороны англо-французов с помощью своих флотов закрепиться в Китае и Приамурье привели Россию к необходимости установления военного контроля за устьем Амура, а сама река становилась важнейшей транспортной артерией для доставки людей и грузов в Приамурье и на Камчатку.

Возобновившиеся в 1855 году переговоры с цинским Китаем о границе в Приамурье завершились подписанием в мае 1858 года Айгунского договора, по которому всё левобережье Амура до его устья отходило к России. Теперь по рекам Амур, Усури и Сунгари могли плавать только русские и китайские суда.

Почти одновременно с цинским Китаем летом 1858 года был подписан Тяньцзиньский договор, основным содержанием которого были положения о торговле. Но там была и статья 9 об установлении границы.

Вторжение англо-французских войск в цинский Китай летом 1860 года и захват ими Пекина вынуждали царское

правительство ускорить правовое закрепление Приморья. Энергичная миссия генерала Н. П. Игнатьева в Китае привела осенью 1860 года к заключению Пекинского договора, завершившего территориальное разграничение между Россией и цинским Китаем на Дальнем Востоке.

Вновь уточним: Нерчинский договор с цинским Китаем (27 августа 1689 г.) был первой стадией разграничения, по которому Россия под военным давлением Дацинской империи вынуждена была оставить земли по реке Амур, бывшие потом длительное время буферной зоной между двумя империями. По этому договору Россия была вынуждена уступить цинскому Китаю правобережье Аргуни и обширные районы по верхнему течению Амура, освоенные русскими служивыми и промысловыми людьми в первой половине XVII века.

К середине XIX века Нерчинский договор о разграничении дальневосточных территорий давно устарел и к тому же был неравноправным для России.

В связи с 165-летием переговоров генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва с цинскими дипломатами в Мариинске (Нижний Амур) вспомним о его дипломатическом дебюте.

12 мая 1855 года Н. Н. Муравьёв, спускаясь вниз по Амуру, встретил в районе устья реки Кумары (Верхний Амур) четыре большие маньчжурские лодки с несколькими цинскими чиновниками. Они получили указание из Пекина подняться вверх по Амуру к устью реки Горбицы для совещания о разграничении и постановки пограничных столбов. Н. Н. Муравьёв объявил им, что спешит в устье Амура ввиду военных действий Англии и Франции на тихоокеанском побережье края, и предложил им плыть обратно в Сахалин-Ула-Хотон (ныне г. Хэйхэ) и дожидаться там дальнейших распоряжений из Пекина, так как 8 мая отправил туда письмо и уведомил цинский Трибунал внешних сношений, что он сейчас на Амуре и пробудет здесь до сентября. В этой связи предложил переговоры провести на устье Амура (Сахалин-Ула) и ответа ожидает через Сахалин-Ула-Хотон.

Цинские чиновники, боясь ответственности, не послушали совета Муравьёва и продолжили свой путь на реку Горбицу.

Только 8 сентября цинские уполномоченные прибыли в военный пост Мариинск для переговоров по разграничению дальневосточных земель. В составе делегации четверо были те же самые, которых Н. Н. Муравьёв встретил в мае. Они на реке Горбице длительное время ожидали указаний своего правительства о переносе переговоров в новое место. С их получением направились в Айгунь, где к ним присоединились ещё четыре чиновника из Урги (ныне Улан-Батор, Монголия).

9 сентября состоялось первое заседание делегаций. Н. Н. Муравьёв был болен, и российскую делегацию воз-

главил камчатский военный губернатор генерал-майор В. С. Завойко [4, с. 319]. На заседании он высказал особую тревогу российского правительства по ряду вопросов (в первую очередь в связи с нападением объединённой англо-французской эскадры в августе прошлого года на военно-морскую базу Петропавловск (на Камчатке) и распространением посягательств на другие тихоокеанские владения России) и заявил, что генерал-губернатору Восточной Сибири приказано принять все меры по пресечению агрессии. В. С. Завойко проинформировал цинскую делегацию о том, что наше правительство своевременно сообщало китайскому правительству о появлении иностранных военных судов вблизи устья Амура и Татарского пролива. В этой сложной обстановке российское правительство не потерпит, чтобы устье Амура было занято какой бы то ни было иностранной державой, так как истоки реки находятся во владениях России. Обеим сторонам известно, что земли, лежащие к востоку от Амура, до сих пор остаются неразграниченными и легко могут быть захвачены противником. В. С. Завойко также сообщил цинским дипломатам и об указаниях императора России генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву сосредоточить до 100 тысяч войск для защиты реки Амур и отражения иностранной агрессии.

Дипломатам сопредельной стороны пояснили, что в начавшихся смутах в их стране виноваты тоже иностранцы.

В заключение В. С. Завойко заявил, что Россия уже вложила огромные материальные и людские ресурсы в защиту Амура и это не может быть кратковременной мерой. Созданная на Нижнем Амуре группировка военных сил и средств, построенные укрепления будут и дальше усиливаться для защиты российских владений от любого иностранного вторжения.

В целях предотвращения иностранного вторжения через устье Амура генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв считает целесообразным продолжить дальнейшие переговоры со следующими условиями:

1) все места, занятые русскими войсками на Амуре, а также весь Приморский край должны окончательно остаться во владении России;

2) для бесперебойного круглогодичного сообщения между внутренними областями России и нашими войсками в низовьях Амура мы должны иметь свои поселения на всём его левом берегу. Река Амур должна стать естественной и бесспорной границей между Россией и Китаем. Только таким образом внутренние области Восточной Сибири будут гарантированы от всякого покушения иностранных государств со стороны моря, а между Россией и Китаем устранится всякий повод к недоразумениям и спорам, могущим возникнуть как в настоящем, так и в будущем времени.

После окончания заседания цинские дипломаты попросили В. С. Завойко все предложения российской стороны изложить письменно для передачи в Пекин.

Второе заседание состоялось 11 сентября под председательством Н. Н. Муравьёва, с участием В. С. Завойко. После приветствия Муравьёв спросил цинских дипломатов, всё ли сказанное на первом заседании отражено в переданном им документе, заверенном его подписью? На это один из них прочёл на маньчжурском языке знаменитый лист нашего сената от 16 июня 1853 года, в котором цинской стороне предлагалась демаркация границы.

В этой довольно сложной ситуации Н. Н. Муравьёв сослался на то, что одновременно с этим письмом в пекинский Трибунал внешних сношений ему было велено государем сначала на совещании сторон решить вопрос о землях неразграниченных и уже после этого приступить к самому разграничению.

В заключение заседания генерал-губернатор просил цинских дипломатов передать своему правительству, что главную мысль царского правительства есть сохранение мира для обоюдных польз Дайцинской и Российской империй на вечные времена. Он также просил поспешить с ответом, так как это диктуется военными событиями. В навигацию следующего года наши войска на Амуре вновь получат подкрепления. Кроме того, учреждается круглогодичное сообщение наших войск на Амуре с внутренними областями.

По итогам переговоров с цинскими дипломатами 12 сентября Н. Н. Муравьёв направил донесение в Петербург и письмо в пекинский Трибунал. Наш сенат он просил подтвердить сопредельной стороне все его предложения, так как они основаны на данных ему высочайших поручениях.

В этой связи поясним, что ещё 11 января 1854 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв получил официальное подтверждение от императора о наделении его полномочиями на ведение пограничных переговоров с цинским Китаем и заключение нового договора. К нему был назначен секретарь по дипломатической части и переводчик китайского и маньчжурского языков.

Обратим внимание на ряд удачных тактических шагов Н. Н. Муравьёва при подготовке первого заседания дипломатов сторон:

1. Н. Н. Муравьёв под удачным предлогом перехватил инициативу у сопредельной стороны и провёл его по своему плану в Ставке Главнокомандующего российскими войсками на Тихоокеанском театре военных действий.

Здесь, в зоне боевых действий, цинские дипломаты воочию могли убедиться в нависшей опасности вторжения неприятеля по Амуре в неразграниченные земли и угрозе не только России, но и цинскому Китаю. Одновременно они практически могли оценить огромную и умелую работу по

сосредоточению в нужное время, в нужном месте внушительной группировки военно-морских и сухопутных сил России.

2. В условиях войны первое заседание открыл камчатский военный губернатор В. С. Завойко, возглавлявший в августе 1854 года героическую оборону стратегического военно-морского порта России на Камчатке.

Англо-французская авантюра позорно провалилась. Эскадре из шести судов русские ядра нанесли такие серьёзные повреждения, что лишь благодаря хорошей погоде им удалось достичь берегов Канады и Америки.

Цинские дипломаты лишней раз могли наглядно убедиться, что русские военачальники и войска умеют громить хвалёных англичан с французами. «Властитель на море», В. С. Завойко, организовавший разгром объединённой англо-французской эскадры, показал всему миру, кто хозяин в Охотском море. Здесь можно уловить и скрытый намёк цинам, потерпевшим не одно поражение от этого же противника.

3. Фактическое пребывание цинских дипломатов в ключевом опорном пункте России на Нижнем Амуре свидетельствовало о молчаливом согласии цинского Китая на главенство России в решении вопроса по разграничению земель в этом регионе и обороне Амура от неприятеля.

4. На основе всесторонней оценки международной обстановки и с учётом новых данных по морскому и пограничному вопросам, полученных тремя экспедициями: Н. Х. Агте, Г. И. Невельского и Е. В. Путятина, Н. Н. Муравьёв впервые предложил цинской стороне провести государственную границу между двумя империями по естественному рубежу — реке Амур.

Так был начат аргументированный переговорный процесс цинскими дипломатами по пересмотру Нерчинского договора, приведший через три года к подписанию Айгунского договора, а позже — и Пекинского (дополнительного).

Для закрепления российских позиций в устье Амура Н. Н. Муравьёв добился в этом же 1855 году возвышения Мариинского поста в степень города и его дальнейшего обустройства.

Таким образом, дипломатические переговоры, проведённые Н. Н. Муравьёвым в Мариинске осенью 1855 года, стали первой страницей в его дипломатической практике и новой страницей в истории становления российско-китайской границы на Дальнем Востоке на основе реалий середины XIX века. Они стали прологом и базой для Айгунского (1858 г.) и Пекинского договоров (1860 г.) между Китаем и Россией.

Успешно продолжая свою дипломатическую деятельность, Н. Н. Муравьёв 16 (28) мая 1858 года подписал Айгунский договор с цинским Китаем, по которому левый берег Амура до морского устья признавался владением России, а правый берег вниз по течению до реки Уссури —

владением цинского Китая. Вопрос об Уссурийском крае, от устья Уссури до моря, оставался открытым, и в этой связи впредь до определения по этим местам границы между двумя государствами эти земли считались находящимися в общем пользовании.

В 1858–1860 годах Н. Н. Муравьёв провёл в Приамурье и Забайкалье ряд заметных мероприятий по подготовке к подписанию Пекинского (дополнительного) договора.

Айгунский, Тяньцзинский (июнь 1858 г.) и Пекинский договоры установили окончательную границу в современном начертании. Проведённая демаркация границы в 1993–1999 годах и 2004–2008 годах лишь незначительно изменила её линию на отдельных участках.

С осени 1855 года военный пост Мариинск вошёл в историю не только как ключевой российский опорный пункт на Нижнем Амуре, но и как историческое место начальной стадии дипломатических переговоров о дальневосточном участке российско-китайской границы.

Отметим также, что китайская сторона, упоминая об этих переговорах, указывает на требование Муравьёва провести границу по реке Амур [10].

Пекинский русско-китайский договор — дополнительный к Тяньцзинскому, подписан 14 ноября 1860 года. Русско-китайская конференция началась ещё 19 октября и продолжалась до 14 ноября. Сильное сопротивление китайцы оказали требованиям России о разграничении в районе Синьцзяна и о сухопутной торговле во внутренних районах Китая. Некоторые уступки чрезвычайного посланника России генерала Н. П. Игнатъева — отказ от учреждения консульств в Цицикаре и Калгане — не сломили упорства китайцев. Лишь после заявления Игнатъева, угрожавшего немедленным возвращением англо-французских войск и посланников в Пекин, пограничный договор был подписан. Причём руководитель китайской делегации принц Гун объявил, что подписывает договор «в знак благодарности за оказанные благодеяния» [9, с. 346].

Во исполнение статьи 9 Тяньцзинского и в подтверждение статьи 1 Айгунского договоров Пекинский договор устанавливал восточную русско-китайскую границу по рекам Амуру, Уссури и Сунгаче, через озеро Ханка до реки Бэлэнхэ и от её устья по горному хребту до реки Тумыньдзян, впадающей в море (ст. 1 Пекинского договора).

Таким образом, Россия окончательно закрепила за собой Уссурийский край. Статья 2 определяла западную границу между двумя государствами от маяка Шабин-дабага до озера Цзай-Сан, а затем по Тяньшаньским горам до кокандских владений. Для постановки пограничных знаков

как на западе, так и на востоке предусматривалось создание смешанной русско-китайской комиссии (ст. 3).

Россия получила право беспошлинной сухопутной торговли вдоль всей восточной границы (ст. 4) и в Кашгаре. Особо оговаривалось, что русские купцы могут ездить из Кяхты в Китай (в частности, в Пекин) «во всякое время», но при условии, что «в одном и том же месте их не должно быть более 200 чел.» [9, с. 346]. В Урге (Улан-Батор) и Кашгаре русскому правительству разрешалось учреждать свои консульства, строить необходимые здания, склады и т. д. (ст. 5 и 6).

Устанавливалось, что «русские купцы в Китае, а китайские в России состоят под особым покровительством обоих правительств» [9, с. 346]. Остальные статьи устанавливали систему консульской юрисдикции и экстерриториальности для русских купцов в Китае (ст. 8), определяли порядок непосредственных и письменных сношений местных русских и китайских пограничных властей (ст. 9 и 11) и т. д.

Русско-китайский Пекинский договор завершил длительную борьбу России за реки Амур и Уссури.

4 марта 1862 года в дополнение к Пекинскому договору было подписано русско-китайское соглашение о правилах и тарифах сухопутной торговли. Оно предусматривало беспошлинную торговлю русских купцов на всей территории Монголии и в любом пункте Китая, расположенном не далее 100 ли от границы; товары, привозимые в Тяньцзинь и другие пункты, подлежали обложению пошлиной на 1/3 меньше установленной для всех других держав. Столь же льготные условия получила Россия и в отношении вывоза товаров из Китая. В 1869 году это соглашение было заменено новым, полностью сохранявшим привилегии России [9].

К месту сообщим: демаркацией нового участка государственной границы руководил военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич. В своём рапорте от 20 июня 1861 года министру иностранных дел А. М. Горчакову он так объяснял неконкретность Пекинского договора: «Описание границе невозможно было составить полнее и в тех размерах, как это принято при разграничении земель европейских государств. Всякое новое для китайцев требование усиливало бы их природную недоверчивость и замедляло бы постановку столбов». Берега рек служили пограничной чертой, а акватория пограничной реки и острова на ней не делились и находились в общем пользовании.

Так, например, Баратолинский протокол-описание границы 1882 года, составленный на основе Чугучакского протокола и С.-Петербургского договора, закреплявшего русско-китайское разграничение в Юго-Восточном Казахстане, определял: «В местах, где поставлены пограничные знаки: пограничными знаками определяете граничная межа. В горных неудобнопроходимых хребтах сам горный хребет

составляет границу, а где есть реки, там вода рек принимается за границу; но вообще вся граница между обоими государствами считается по красной черте, обозначенной на карте» [1, с. 125–126].

Для обозначения границы уже в XVIII веке стороны вводили в практику установку пограничных знаков («пограничные маяки»). Знакам парным или одиночным давались местные наименования. Они сооружались, как правило, в виде каменных насыпей, деревянных вышек и иных сооружений. С 60-х годов XIX века пограничные знаки выставлялись в виде деревянных или каменных столбов определённых размеров с обозначением их государственной принадлежности, нумерации и проч. [1, с. 126].

По итогам демаркации Восточной части российско-китайской границы в 1993–1999 годах на местности обозначена пограничными знаками линия государственной границы общей протяжённостью 4 195,44 км.

В соответствии со статьёй 3 Соглашения 1991 года стороны не демаркировали линию границы на двух участках — в районе острова Большой на реке Аргунь и в районе островов Большой Уссурийский и Тарабаров на реке Амур вблизи Хабаровска (демаркация границы здесь проводилась позже).

Определена принадлежность 2 444 островов и отмелей на пограничных реках, 1 163 острова и отмели отнесены к России, 1 281 остров и отмель — к Китаю. Отнесённые к России или к Китаю острова по площади примерно равны: соответственно 886 кв. км и 851 кв. км.

На демаркированной линии границы установлено 899 пограничных знаков, из них 423 — основные пограничные знаки и 476 — промежуточные (всего 1 183 пограничных столба — пограничный знак может в зависимости от местности состоять из одного, двух или трёх пограничных столбов) [5].

В середине XX века Китай проснулся, а в первом десятилетии XXI века пока занимает вторую-третью позицию в ранге мировых держав. При сохранении нынешних темпов развития Китай очень скоро может подняться на первую ступеньку.

Из истории известно, сколь пагубна мания величия. Не исключено, что тогда на всём земном шаре наступит время противоборства западной геополитики и китайской стратагемности с непредсказуемыми последствиями.

Видный российский историк-китаевед, исследователь международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском

регионе академик В. С. Мясников в результате многолетнего кропотливого изучения дипломатических документов цинского Китая разгадал одну из его тайн — стратегию мышления и практических действий, которые были серьёзным оружием его высшего руководства.

Само понятие «стратегема» (по-китайски: чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость [10, с. 261–266].

Россия стала одной из первых европейских стран, против которой цинский Китай реализовал стратегию в середине XVII века в Приамурье.

Нерчинский договор с цинским Китаем (1689 г.) был первой стадией разграничения, по которому Россия под военным давлением Дацинской империи вынуждена была оставить земли по Амуру, бывшие потом длительное время буферной зоной между двумя империями.

В этом договоре о разграничении территорий на современном Дальнем Востоке записано, что граница от реки Шилка идёт «...каменными горами... и по самым тех гор вершинам, даже до моря протягнёнными...» [7, с. 142]. Соответственно, на российской карте линия разграничения около побережья Охотского моря показана по хребту Джагды. Но китайцы упорно настаивают и показывают на своих картах, что линия разграничения в этом районе должна быть проведена по течению реки Уда (примерно 457 км). На картах китайцы продолжают линию разграничения в Удскую губу Охотского моря и далее, севернее Шантарских островов в акваторию этого моря...

В этой связи следующим этапом будут новые территориальные притязания на континентальный шельф вокруг этих островов. Известно, что на континентальном шельфе Охотского моря обнаружены богатые залежи нефти и газа...

Процесс подготовки Айгунского и Пекинского договоров, определивших государственную границу по рекам Амур, Усури и далее до Японского моря, свидетельствует о том, что их подписание проходило не в результате военного давления и иных насильственных действий со стороны России, а путём взаимных консультаций, переговоров и выработки взаимоприемлемых решений. По этим договорам Китай не терял территории, а лишь возвращал России незаконно отторгнутые у неё по Нерчинскому договору 1689 года и ранее освоенные русскими землепроходцами. Таким образом, Айгунский и Пекинский договоры не могут считаться неравноправными, как утверждает китайская сторона.

В последнее десятилетие XX века в российско-китайских отношениях произошли события, которые уже привели к доминированию сопредельной стороны на границе. С учё-

том стратегической политики Китая полученные результаты обеспечивают ему наращивание своего влияния в регионе.

Российский Дальний Восток издавна находится в зоне геополитических интересов Китая. Сейчас просматривается очередной этап реализации этой геодоктрины — превращение региона в сырьевой придаток Китая. Всё по-восточному и в духе современности — без видимых признаков колонизации. «Варвары» сами представляют «подарки» богдыхану.

«В первых числах мая [2020 г.] китайская армия оккупировала часть Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, Мургабский район. ...Не сказать, чтобы это была вооружённая аннексия, не вполне. Просто Душанбе добровольно-принудительно передал Пекину часть своей территории в счёт погашения внешнего долга. Запомните этот сюжет. Ибо он, скорее всего, ещё не раз повторится.

К 2013 году долг Душанбе Пекину превысил миллиард долларов. Ещё более миллиарда таджики задолжали китайским банкирам, в частности Экспортно-импортному банку. А на 1 июля текущего года общий долг превысил 3 миллиарда. Понятное дело, таджикам платить по счетам было нечем. И тогда китайские товарищи предложили им вариант расчёта — отдать в счёт уплаты долга 1,5 тыс. квадратных километров земли. Вы, мол, всё равно не контролируете ГБАО, а мы и непригодное для жизни высокогорье освоим, и порядок там наведём. А в ГБАО есть что осваивать — недра набиты ураном и драгоценными камнями. Поначалу таджикские власти намеревались отбиться от китайских навязчивых притязаний, приняв поправки к закону о недрах и легализовав таким образом разработку месторождений юридическими лицами из-за рубежа (а России в этом неоднократно отказывали). Но китайцы, откусив жирный кусок, и не подумали сворачивать трапезу. В прошлом году после совместных китайско-таджикских учений, в ходе которых специалисты НОАК без препон провели рекогносцировку на местности и на всякий пожарный проверили боеспособность таджиков, в Пекине клялись в братской дружбе и уверяли, что и в мыслях не держат аннексии. Но минул год — и китайская армия заняла территорию Таджикистана».

В заключение автор публикации отмечает, что эта оккупация осуществлена «при полном и удивительном молчании России. А ведь там именно наши пограничники защищают рубежи от нашествия афганских исламистов. Мы что, признаём китайскую аннексию Таджикистана?! Чего же тогда молчим? Хотя, снявши голову, по волосам не плачут — сами-то сколько российской земли уступили китайским партнёрам в последние годы?» [2].

Вот это и есть образцовый пример китайской экспансии.

Пекинский договор от 2 (14) ноября 1860 года, по которому за Россией было закреплено право единоличного владения территориями в Приамурье и Приморье, справедливо связан с именем генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьёва-Амурского. Но сам он считал главным героем этой победы дипломата Николая Павловича Игнатъева: «Дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего. Игнатъев превзошел все наши ожидания...» [3].

По современным оценкам в середине XIX века эти два искусных дипломата обеспечили геополитический прорыв

России в Мировой океан и, прежде всего, в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ещё в 2015 году во Владивостоке память графа Николая Игнатъева увековечена в названии сквера в центре города [3].

В Амурской области памятник русскому дипломату Н. Игнатъеву планируют открыть в селе Игнатъеве в канун 160-летия Пекинского договора [6].

На наш взгляд, хабаровчанам тоже пора увековечить историческое событие — пятилетний переговорный «марафон» по заключению основополагающих пограничных договоров с цинским Китаем, первоначально которого — в Мариинске.

Список использованных источников

1. Боярский, В. И. На стороже Руси стояти : страницы истории пограничной стражи Российского государства / В. И. Боярский. — Москва : Граница, 1992. — 166 с.
2. Горевой, Р. Желтый туман / Р. Горевой // Наша Версия 2020. — 17 авг. — С. 6–7.
3. Журман, О. В сквере — скверная история / О. Журман // Родина. — 2016. — № 6. — С. 13.
4. Ибрагимбейли, Х. М. Петропавловская оборона 1854 г. / Х. М. Ибрагимбейли // Советская Военная Энциклопедия : в 8 т. Т. 6. — Москва, 1978. — С. 319.
5. Киреев, Г. В. Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров / Г. В. Киреев. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 413 с.
6. Кузнецов, А. Не тот мундир / А. Кузнецов // Рос. газ. — 2020. — 23 сент. — С. 18. — (РГ-неделя).
7. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили : дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. / В. С. Мясников. — Хабаровск : Приамур. геогр. о-во, 1997. — 543 с.
8. Нешумов, Ю. А. Смотреть в былое. Записки пограничника : мемуары / Ю. А. Нешумов. — Москва : Граница, 2015. — 326 с.
9. Русско-китайские договоры и соглашения // Дипломатический словарь : в 2-х т. Т. 2 : Л-Я. — Москва, 1950. — С. 346–347.
10. Филонов, А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского. Взгляд из XXI века / А. М. Филонов. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. — 334 с.

Материал поступил в редакцию 19.10.2020.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, председатель Приамурского географического общества, почётный гражданин города Хабаровска (г. Хабаровск).